

DOI: 1022250/2072-8662.2017.1.73-79

Мезенцев И.В.

В поисках «средоточно-коренного» момента религии. Некоторые аспекты философско-религиозного дискурса в работах духовно-академических авторов предреволюционного периода и методология их религиоведческого изучения

Аннотация. Автор статьи говорит о необходимости изучения духовно-академической философии религии в дореволюционный период и предлагает особую методологию изучения богословских работ для выявления их небогословского содержания. В статье показано, что духовно-академические мыслители могли рассуждать о сущности религии, о дисциплинарных границах философии религии и её методологии с небогословских позиций. Автор статьи критикует популярное мнение о бесполезности изучения духовно-академического наследия для развития современного религиоведения. В массиве духовно-академической философии религии современный религиовед может обратить внимание на анализ метафизических оснований методологии, использование целостного подхода и принципа взаимодополнительности. Изучаемые мыслители стремились преодолеть методологическую и метафизическую однобокость в философии религии через синтезирование различных дискурсов. В духовно-академической литературе автор обнаруживает установки, методы и концептуальные выводы, сходные с теми, что имеются в академическом религиоведении наших дней.

Ключевые слова: философия религии, философская теология, духовно-академическая традиция, методология религиоведения, дореволюционная философия, русская религиозная философия

Ivan V. Mezentsev

In Search of «Central and Fundamental» Point of Religion. Some Aspects of Philosophical and Religious Discourse in Works of Spiritual and Academic Authors of the Pre-Revolutionary Period and the Religious Studies Methodology of Their Research

Abstract. The author speaks of the need to explore the spiritual and academic philosophy of religion in the pre-revolutionary period and offers a special methodology of studying theological works to identify their non-theological content. The article shows that the spiritual and academic thinkers could talk about the essence of religion, disciplinary boundaries of the philosophy of religion, and its methodology from non-theological perspective. The author criticizes popular opinion about the uselessness of studying spiritual and academic heritage for the development of contemporary religious studies. In the array of spiritual and academic philosophy of religion modern scholars can pay attention to the analysis of the metaphysical foundations of methodology, the use of a holistic approach, and the principle of complementarity. Studied thinkers sought to overcome methodological and metaphysical one-sidedness in the philosophy of religion through synthesizing different discourses. In works of spiritual and academic thinkers modern researchers can also find philosophical analysis of different concepts of religion and typology of these concepts; analysis of the critics of religion; interest in anthropology and the psychology of religious experience; reasoning upon the natural ability of man to the formation of religious experience; analysis of the relationship between the structural components of religious experience; attempts to classify and identify the types of religious worldview; interest in structure and problems of religious-metaphysical constructions; reasoning about the criteria of authenticity and destructiveness of religious experience; trying to figure out the essential relationship of religion and adjacent parts of being. In spiritual and academic literature the author finds paradigms, methods, and conceptual conclusions similar to those, which are available in the academic study of religion today.

Key words: philosophy of religion, philosophical theology, spiritual and academic tradition, methodology of religious studies, pre-revolutionary philosophy, Russian religious philosophy

Мезенцев Иван Валерьевич – старший преподаватель кафедры теологии и религиоведения Дальневосточного федерального университета; Приморский край, г. Владивосток, остров Русский, пос. Аякс, кампус ДВФУ, корпус F, каб. 305; mezivan@yandex.ru

Ivan V. Mezentsev – Senior Lecturer at Theology and Study of Religion Department, Far Eastern Federal University; of. 305, building F, campus FEFU, Ayax, Russky Island, Vladivostok, Primorsky Krai, Russia; mezivan@yandex.ru

Несомненным вкладом в развитие современной философии религии является изучение исторического развития этой сферы знания как за рубежом, так и в нашей отечественной культуре. Связное представление об историческом формировании той или иной отрасли знания позволит углубить и расширить возможности её развития на современном этапе. В этой связи представителям академического религиоведения стоит обратить внимание на философский анализ религии в русской мысли предреволюционного периода. Указанная тематика в наши дни продолжает изучаться, проанализирован значительный объём философско-религиозных построений как в догматически-ориентированных работах, так и в сочинениях околоцерковного и внецерковного характера. К дисциплине философия религии из наследия предсоветской культуры всё чаще уверенно относят сочинения А.И. Введенского, И.И. Галахова, Т.И. Буткевича, Н.М. Боголюбова, С.Л. Франка, П.А. Флоренского [Леонидова, 2015b, 12].

В настоящей статье на базе анализа некоторых (в основном – малоизвестных) работ представителей русской духовно-академической традиции второй половины XIX – начала XX веков будут раскрыты некоторые аспекты философско-религиозного дискурса рассматриваемой эпохи.

Необходимо подчеркнуть, что современным религиоведам не стоит пренебрегать изучением конфессиональной традиции предреволюционного периода – трудов профессоров и учащихся русских духовных академий. Несмотря на появление научных работ по духовно-академической философии религии [Панков, 2006], создаётся впечатление, что последняя, в целом, находится на периферии исследовательских интересов: «Философия религии в России является сравнительно малоисследованным феноменом. В этой области практически не охвачено философское наследие русской духовно-академической мысли (православный теизм, духовно-академический теизм)» [Леонидова, 2012, 140].

Более того, некоторые религиоведы в наши дни стараются принизить или даже полностью нивелировать научно-теоретическое значение православной духовно-академической мысли по причине её конфессионально-теологической направленности. Однако обстоятельное и фактическое знакомство с указанным наследием заставляет принять иную точку зрения на этот счёт. Так, В.В. Леонидова отмечает, что для духовно-академических сочинений указанного периода характерна религиоведческая компонента: «Опора на исторические и этнографические данные, изучение актуальных научных исследований позволяла авторам не только писать теоретически обоснованные труды, но и показывала связь российской философско-религиозной традиции с западной наукой о религии. Важнейшие мировые тенденции развития религиоведческого знания находили своё отражение в российской философии религии как части европейской интеллектуальной традиции» [Леонидова, 2015b, 15].

Учитывая напряжённый характер взаимодействия между философской теологией и философским религиоведением в современной России, позволим себе сделать небольшой методологический комментарий. Действительно, значимые для академического религиоведения идеи, концепции и подходы можно обнаружить не только в светской философии, но и в конфессионально-ориентированной мысли. Проводя твёрдую границу между светской философией религии и философской теологией (религиозной философией), мы в то же время способны отчётливо увидеть элементы первого области знания в пределах второй, когда, например, некий мыслитель, «крепко» связанный церковной дисциплиной, в определённый момент «переключается» в режим философского анализа религии исключительно с позиции разума и эмпирических фактов без апелляции к священным авторитетам. М.А. Ершова удачно подметила, что «академисты не выбрасывают разум на свалку истории, как это пытаются сделать представители постмодернистской философии» [Ершова, 2011, 79]. При этом изучение постмодернистской философии религии не встречает со стороны современников такой критики, которая бы по своему уровню соответствовала критике изучения конфессионально-ориентированных работ.

Нельзя полагать, что конфессиональная направленность философских работ *автоматически* «портит» всё их содержательное наполнение, делая его полностью

непригодным и вредным для современного теоретизирования о религии. Если последовательно развивать такой чрезмерно отрицательный подход, то мы будем вынуждены признать, что элементы мифологизации и мистическая направленность того же платонизма полностью нивелируют значение всего платоновского дискурса о религии (как и всей его философии в целом) для современной – светской – философии религии (и для современной – светской – философии в целом). Строгий философский дискурс как самостоятельная структура может нормально существовать не только за пределами религиозной культуры, но и внутри неё. Мистическая, сверхрациональная перспектива религиозного опыта не превращает каждого верующего в абсолютно бездумное существо, не способное к дисциплинированному и самостоятельному анализу действительности с рациональных позиций. Говоря об этом, мы не теряем чёткости в разграничении философской теологии и светской философии религии, которые соотносятся между собой как взгляд на религию «изнутри» самой религии и как взгляд на неё же с позиций стороннего наблюдателя. Даже глубоко верующий человек способен посмотреть на свою религиозную традицию и на религию в целом не только «изнутри», но и «снаружи».

Также нужно отметить, что изучение богословского осмысления религии важно и для формирования полноценного исторического понимания религии. Современный религиовед должен уверенно знать как светское, так и конфессиональное осмысление религии. В этом отношении уместно привести глубокое наблюдение С.В. Поросенкова: «Для преподавания гуманитарных дисциплин существенно учитывать, что теизм и атеизм, как противоположные полюса понимания всего существующего, во-первых, взаимно отрицают друг друга, во-вторых, взаимопологают друг друга, в-третьих, воспроизводятся в скрытой, иносказательной форме друг в друге» [Поросенков, 2010, 74].

Возвращаясь к рассматриваемому нами периоду, отметим, что представители современного академического религиоведения могут совершить «тройную редукцию» теологического содержания в любом конфессионально-ориентированном сочинении о сущности религии при помощи «вынесения за скобки» трёх богословских «наполнителей» структуры той или иной работы: безоговорочного доверия сверхъестественному откровению; отсылок к священным авторитетам религиозной традиции; церковно-богословских задач, которые решает автор изучаемой работы (апологетических, религиозно-проповеднических, проповеднических и т.д.). Снимаемая таким образом конфессиональная «заряд» в тексте религиозного мыслителя, религиовед способен обнаружить структуру собственно рационального отношения к религии, что характеризуется следующими параметрами: доверие только разуму; отсылка к эмпирическим фактам, а также анализ дискурсивных возможностей понимания религии; решение рационально-мотивированных задач, стремление использовать потенциал разума в попытке понять религию как универсалию человеческой культуры, как антропологическую константу, выявить её структурные компоненты, а также показать её сущностные проявления – внутренние (психологические) и внешние (историко-культурные и социальные). В настоящей статье нашему рассмотрению подлежат те суждения о сущности и сущностных аспектах религии, а также о подходах к её изучению, которые высказывались именно на базе этого специально-рационального отношения, которое присутствовало и присутствует, пожалуй, в пределах всякой развитой философской теологии.

Прежде чем изложить обнаруженные нами фрагменты философско-религиозного дискурса в духовно-академической традиции, его необходимо структурировать в соответствии с его аутентичными параметрами. Цель и задачи, а также параметры философско-религиозного знания (в его отличии от философско-теологического) в структурированном и пространном виде представлены в одной из работ В.К. Шохина [Шохин, 2010]. Применительно к содержанию изученных нами духовно-академических работ позволим себе немного дополнить и сублимировать перечень возможных интересов у «нормативного» философа религии. Итак, в духовно-академической мысли второй половины XIX – начала XX веков (редуцированной в соответствии с предложенной методологией) можно обнаружить:

1) фрагменты дисциплинарной, методологической и понятийно-терминологической рефлексии (как по отношению к философии религии в рамках своей традиции, так и по отношению к внешним течениям философии религии);

2) попытки ответа на вопрос о сущности религии (иногда – в связи с вопросом о происхождении религии и проблемой определения религии);

3) анализ метафизических оснований в методологии изучения религии;

4) философский анализ различных концепций религии; типологию данных концепций; анализ критики религии как особого философского направления и устойчивого антропологического феномена;

5) интерес к вопросам антропологии и психологии религиозного опыта, рассуждения о природной способности человека к формированию религиозного опыта;

6) рассуждения о взаимоотношении структурных компонентов религиозного опыта;

7) попытки классифицировать религии, выявить типы религиозного мировоззрения;

8) интерес к структуре и проблематике религиозно-метафизических построений;

9) рассуждения о критериях подлинности и деструктивности религиозного опыта;

10) попытки выяснить сущностное взаимоотношение религии и смежных регионов бытия.

В данной статье будут затронуты лишь некоторые из вышеперечисленных пунктов – это, прежде всего, *дисциплинарная и методологическая рефлексии* духовно-академических авторов. Действительно, целый ряд духовно-академических мыслителей задавался вопросом о *дисциплинарных границах* философии религии. Примечательно, что, например, рассуждения о философии религии свящ. П.Я. Светлова напоминают по своей структуре современное понимание данной дисциплины с требованием эмпиризма (или, другими словами, связи с историей религии) и направленностью на выявление корневых аспектов религиозного опыта (его сущности и происхождения). Желание продумывать универсальную сущность религии из *исторических* фактов её зарождения также напоминает современную постановку вопроса (известно, что в схоластическо-теологическом дискурсе священные авторитеты уже дают готовый ответ о сущности религии из содержания сверхъестественного откровения). Также стоит обратить внимание на то, что по вопросу истории религии свящ. П.Я. Светлов привлекает литературу и неправославного характера, не ограничивая знакомство читателя лишь с теологической версией происхождения религии по Библии [Светлов, 1907, 115–123].

Дисциплинарная рефлексия обнаруживается даже на уровне студенческих работ, например, в работе С. Введенского: «Возможна ли философия религии? Ответ на этот вопрос зависит от того, как определяется сущность религии и её происхождение» [НИОР РГБ, ф. 172, оп. 200, ст. 10. Л. 1]. К области философии религии, судя по содержанию текста, автор относит следующие вопросы: возможность философии религии; вера и знание; внешние факторы религии; внутренние состояния как элементы религиозного процесса; доказательство бытия Бога, анализ их философской структуры и состоятельности; анализ «свойств существа Божия».

Касательно *методологической рефлексии* стоит сказать, что, в целом, изученные авторы настаивали на преодолении «односторонности» и «крайностей» в определении сущности религии, что характерно, по их мнению, для большинства популярных в их время концепций. Показательным является следующее высказывание: «В решении вопроса о существовании религии новейшие мыслители останавливались попеременно то на той, то на другой стороне душевной деятельности человека и подчиняли религиозную жизнь то той, то другой силе души. Но не трудно видеть, что религия есть главное и основное, а не подчинённое другим явление в жизни человека» [Взгляд, 1860, 164]. Изучаемые мыслители стремились преодолеть методологическую и метафизическую однобокость в философии религии через синтезирование различных дискурсов, рассматривая различные грани вопроса и аспекты религиозного опыта по принципам холизма, взаимодополнительности и синергизма [Мезенцев, 2015, 277–285].

Во многих работах, посвящённых изучению феномена религии, встречается критика некоторых применений абстрактно-спекулятивного подхода и крайне отвлечённых теорий, не сопряжённых с жизненностью и практичностью. По мнению В.В. Леонидовой, рационалистический метод, господствовавший в духовно-академических исследованиях первой половины XIX века, стал позднее подвергаться критике как в самом академическом сообществе, так и в среде неакадемических авторов за формализм и схоластичность [Леонидова, 2015а, 402]. В то же время академики прислушивались к результатам «оторванных от действительности» рационалистических исследований, стремясь «уравновесить» их иными методами.

О развитии свободного, нескованного схоластикой философско-религиоведческого дискурса свидетельствует гибкая оценка значения эволюционного метода. Так, например, А.И. Покровский говорит: «Это не значит, однако, того, чтобы мы, вопреки очевидности, отрицали всякое значение за эволюционной теорией; наоборот, мы вполне разделяем то убеждение, что великий принцип эволюции произвёл решительный переворот во всех областях знания и по праву занимает там значение руководящего принципа исследования. Даже больше того, мы охотно допускаем, что он приложим и к исследованию религии; но вносим сюда одну, по-видимому, небольшую, но в сущности радикально изменяющую положение дела поправку – именно говорим, что эволюционный принцип приложим лишь к истории последующего развития религиозных идей и верований, а не к факту изначального их происхождения... [эволюционизм] делает грубый логический скачок, пытаясь из ничего сделать нечто, т.е. в данном случае – вывести специфически-религиозное состояние из абсолютно-нерелигиозного» [Покровский, 1901, 253]. В конечном счёте, автор делает вывод о том, что «позитивно-эволюционный» взгляд обладает всеми теми недостатками библейского решения вопроса о религии, которые позитивисты предьявляют верующим.

Внимательное отношение к методологии встречается и на уровне студенческих работ. Так, П. Иванов отмечает, что религия может изучаться с различных точек зрения и с использованием различных методов, из которых наиболее распространёнными в его время являлись, по его словам, исторический, сравнительный и психологический [НИОР РГБ. Ф. 172. Оп. 255. Ст. 13. Л. 2]. Автор заявляет, что жизнь диктует богословию новый метод и, чтобы «не потерять свой авторитет и кредит в обществе», нужно следить за новейшими течениями в области религиозной психологии, «не замуровываться» от них и «стоять на высоте психологических открытий» [НИОР РГБ. Ф. 172. Оп. 255. Ст. 1. Л. 7].

Представители духовных академий подобно современным исследователям зачастую пытались обособовать религию через анализ сознания (самосознания) человека. По мнению В. Таланкина, вся «сущность религиозной проблемы» заключается в ответе на вопрос: откуда в сознании человека появилась первая мысль о Боге? [НИОР РГБ. Ф. 172. Оп. 409. Ст. 4. Л. 29]. Примечательно, что в «Программе чтений по Метафизике» Казанской духовной академии отдельным пунктом разбирается тема под названием «Самосознание, как единственный показатель бытия и как единственное основание достоверного познания о бытии» [НАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 102. Л. 22].

Многие академики противопоставляли свой анализ религиозного сознания популярным в их время редуционистским концепциям. Православные мыслители, как правило, утверждали неполноценность тех теорий происхождения религии, которые выводили последнюю из чисто внешних факторов и из ошибочной работы человеческого сознания. По их мнению, для того, чтобы концепция Тайлора, Фейербаха и прочих мыслителей «сработали», представление о божественном и, в целом, религиозное отношение («религиозная уверенность») уже должно быть глубоко встроено в человеческую природу как её органическое начало. Страх, обман, галлюцинация, сон и т.д. могут лишь вызывать к жизни религиозное чувство и религиозные представления или «паразитировать» на религиозности человека, но никак не генерировать религию «с нуля».

Несомненной заслугой духовно-академических мыслителей также является анализ метафизических оснований философско-религиозной методологии

(в большинстве случаев – зарубежных авторов). По мнению многих академистов, пантеистические, деистические, дуалистические, теистические, атеистические убеждения философов оказывают самое непосредственное влияние на формирование их концепций религии. Показательное суждение по этому поводу содержится в одной из статей, автор которой определяет метафизический базис философии религии Шлейермахера, Канта, Фихте, Гегеля и Шеллинга как пантеистический рационализм [Взгляд, 1860, 185]. Шлейермахер и Шеллинг выступают в данном случае представителями «поэтического рационализма», Кант и Фихте – «практического рационализма», Гегель – «логического рационализма». Односторонность метафизического базиса определяет односторонность методологии и, в конце концов, самого философского понимания религии. Православный автор, кажется, хочет показать своеобразный диалектический взаимопереход кантианско-фихтеанской, шлейермахеро-шеллинговской и гегелевской линий, где одна нецелостность естественным образом требует появления другой нецелостности.

Определяя сущность религии в антропологическом ракурсе, многие академики отказывались от жёсткой локализации религиозного начала в какой-либо одной части человеческой природы с нивелированием других частей. Религиозное начало, по их мнению, как бы «разлито» во всём человеке, охватывая весь его психофизический состав, тогда как европейские и некоторые отечественные мыслители зачастую полагали, что за религиозную жизнь в структуре человеческой природы «отвечает» лишь какая-то одна (или – реже – несколько) частей: либо ум (мысленное отношение человека к Абсолюту или совокупность теоретических познаний о Боге: докантовские деисты и рационалисты [Николин, 1902, 67], а также «гегелевская линия»), либо чувство (интуитивное созерцание полноты бытия: линия «Шлейермахер–Шеллинг»), либо воля (как стремление к действию или основа нравственности: «кантианско-фихтеанская линия» [Взгляд, 1860, 175]). В соответствии с этими антропологическими акцентами религия в своём корне (и в своём происхождении) определялась то как особый вид познания (недофилософия, разновидность абстрагирования реальности), то как особый вид чувствования (результат «обоготворения чувства»), то как особого рода праксис (результат «обоготворения воли»). Способность человека к религиозному существованию с точки зрения многих православных авторов конституируется всем устройством его внутренней и внешней жизни.

Использование целостного подхода к осмыслению религии требовало от академистов решения ещё одной проблемы: какова правильная иерархизация способностей человека в религиозном опыте (что первично или главнее в религии, с одной стороны, в оппозиции теоретическое–чувственное и, с другой стороны, в оппозиции теоретическое–практическое?). Также в изученных работах встречаются специальные высказывания о наличии или отсутствии в человеке «особого органа», отвечающего за религию. Мнения авторов по всем этим вопросам разнились, что свидетельствует о достаточном уровне свободы внутри духовно-академической мысли.

Исходя из этого краткого обзора, можно сделать вывод о наличии элементов развитого философско-религиозного дискурса в духовно-академической традиции. Повсеместно обнаруживаются сходные с академическим религиоведением наших дней установки, методы и концептуальные выводы. Очевидно, что методологические подходы, применявшиеся в русле богословского дискурса, имеют значение и для развития светского религиоведения. Для внедрения философско-религиозных наработок второй половины XIX – XX веков в современный религиоведческий оборот необходимо всего лишь развести богословское содержание и богословскую методологию от применений сугубо рационального анализа.

Библиографический список

1. Взгляд на мнения новейших рационалистов о существовании религии // Православный собеседник. – 1860. – № 3. – С. 162–195.
2. Ершова, М.А. От антропологии к теологии: философия религии академистов / М.А. Ершова // Религиоведение. – 2011. – № 1. – С. 73–80.

3. Леонидова, В.В. Личность и творчество архимандрита Феодора (А.М. Бухарева) в контексте российской философии религии начала XX века // Современная наука: исследования, технологии, проекты. – М., 2015. – С. 415–422.
4. Леонидова, В.В. Предпосылки развития российской философии религии в начале XX века как единой области знания / В.В. Леонидова // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2015. – № 7. – С. 12–22.
5. Леонидова, В.В. Философия религии в Московской Духовной Академии на примере творчества В.Д. Кудрявцева-Платонова / В.В. Леонидова // В мире научных открытий. – 2012. – № 11 (35). – С. 139–149.
6. Мезенцев, И.В. Парадигмальная оценка римско-католической метафизики представителями русского духовно-академического теизма в кон. XIX – XX вв. / И.В. Мезенцев // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 8 (79). – С. 277–285.
7. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 172. Оп. 200. Д. 10. 65 л.
8. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 172. Оп. 255. Д. 13. Л. 2.
9. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 172. Оп. 409. Д. 4. Л. 29.
10. Национальный архив республики Татарстан (НАРТ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 102. Л. 22.
11. Николин, И.П. Деистические теории происхождения религии / И.П. Николин // Вера и Церковь. – 1902. – Кн. 6. – С. 67–77.
12. Панков, Г.Д. Православно-академическая философия религии в России (XIX – нач. XX вв.): дисс. докт. филос. н.: 09.00.11 / Г.Д. Панков; Харьковский национальный ун-т им. В.Н. Каразина. – Харьков, 2006. – 434 с.
13. Покровский, А.И. К вопросу о первобытной религии / А.И. Покровский // Вера и Церковь. – 1901. – Кн. 2. – С. 253.
14. Поросенков, С.В. Теизм и атеизм в определении предмета философии религии / С.В. Поросенков // Религиоведение. – 2010. – № 3. – С. 73–80.
15. Светлов, П.Я. Что читать по богословию? Систематический указатель апологетической литературы на русском, немецком, французском и английском языках / П.Я. Светлов. – Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1907. – 278 с.
16. Шохин, В.К. Введение в философию религии / В.К. Шохин. – М.: Альфа-М, 2010. – 287 с.

References

1. *Pravoslavny sobesednik* [Orthodox Interlocutor]. Kazan: Tipografiya Imperatorskogo universiteta, 1860, no. 3, pp. 162–195 (in Russian).
2. Ershova M.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk: Amurskiy gosudarstvennyy universitet, 2011, no. 1, pp. 73–80 (in Russian).
3. Leonidova V.V. *Sovremennaya nauka: issledovaniya, tehnologii, proekty: Materialy V mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Modern Science: Research, Technology, Projects: Articles in International Scientific and Practical Conference]. Moscow, 2015, pp. 415–422 (in Russian).
4. Leonidova V.V. *Sovremennyye tendentsii razvitiya nauki i tehnologii* [Modern Trends in the Development of Science and Technology]. Belgorod: Individual'ny predprinimatel' Tkacheva E.P., 2015, no. 7, pp. 12–22 (in Russian).
5. Leonidova V.V. *V mire nauchnykh otkrytiy* [In the World of Scientific Discoveries]. Krasnoyarsk: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu Nauchno-innovatsionnyy centr, 2012, no. 11 (35), pp. 139–149 (in Russian).
6. Mezentsev I.V. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Current Problems of the Humanities and Natural Sciences]. Moscow: Nauchno-informatsionny izdatel'skiy centr, 2015, no. 08 (79), pp. 277–285 (in Russian).
7. *Nauchno-issledovatel'skiy otdel rukopisei Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki* [Research Department of Manuscripts of the Russian State Library]. Fund 172. Inventory 200. File 10, fol. 65 (in Russian).
8. *Nauchno-issledovatel'skiy otdel rukopisei Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki* [Research Department of Manuscripts of the Russian State Library]. Fund 172. Inventory 255. File 13, fol. 2 (in Russian).
9. *Nauchno-issledovatel'skiy otdel rukopisei Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki* [Research Department of Manuscripts of the Russian State Library]. Fund 172. Inventory 409. File 4, fol. 29 (in Russian).
10. *Natsional'ny arkhiv respubliki Tatarstan* [National Archive of the Tatarstan Republic]. Fund 10. Inventory 1. File 102, fol. 22 (in Russian).
11. Nikolin I.P. *Vera i Tserkov'* [Faith and Church]. Moscow: Tsargrad, 1902, no. 6, pp. 67–77 (in Russian).
12. Pankov G.D. *Pravoslavno-akademicheskaya filosofiya religii v Rossii (XIX – nach. XX vv.). Diss. dokt. filos. nauk* [Orthodox Academic Philosophy of Religion in Russia (the 19th – early 20th centuries)]. Ph.D. Thesis in Philosophy]. Kharkov: Khar'kovskiy natsional'ny un-t im. V.N. Karazina, 2006, 434 p. (in Russian).
13. Pokrovskiy A.I. *Vera i Tserkov'* [Faith and Church]. Moscow: Tsargrad, 1901, no. 2, p. 253 (in Russian).
14. Porosenkov S.V. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk: Amurskiy gosudarstvennyy universitet, 2010, no. 3, pp. 73–80 (in Russian).
15. Svetlov P.Ya. *Chto chitat' po bogosloviyu? Sistematischeskiy ukazatel' apologeticheskoi literatury na russkom, nemetskom, frantsuzskom i angliyskom yazykakh* [What to Read on Theology? Systematic Index of Apologetic Literature in Russian, German, French and English]. Kiev: Tipografiya S.V. Kul'zhenko, 1907, pp. 115–123 (in Russian).
16. Shohin V.K. *Vvedenie v filosofiyu religii* [Introduction to the Philosophy of Religion]. Moscow: Al'fa-M, 2010, 287 p. (in Russian).